

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 56–70.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 3 (11). P. 56–70.

Научная статья

УДК 327.5: 93/94 (410+436)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70>

«МЫ ДОЛЖНЫ ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ ПОДГОТОВИТЬ ТЕАТРЫ ВОЙНЫ НЕМАНСКИЙ, ПРИВИСЛИНСКИЙ И ВОЛЫНСКИЙ»: ВОЕННЫЕ ПЛАНЫ АВСТРО-ВЕНГРИИ И РОССИИ НА РУБЕЖЕ 1870 – 1880-Х ГГ.

**Александр Борисович
Арбеков**

Тульский государственный музей оружия,
Тула, Россия,
arbekoff-alex@ya.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются планы войны Австро-Венгрии против России в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века, добытые российской военной разведкой, и их влияние на российское военно-стратегическое планирование на западном направлении в соответствующий исторический период. Основой для исследования послужили делопроизводственные документы из фондов Военно-ученого комитета Главного штаба российской императорской армии (ВУК ГШ) и штаба Варшавского военного округа, хранящихся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Материалы российской военной разведки, касавшиеся замыслов высшего военного командования империи Габсбургов, в совокупности с документами подготовительных работ по проведению стратегических военных игр в штабе Варшавского военного округа позволяют наглядно проследить конкретные изменения в планах российского Главного штаба в конце 70-х – начале 80-х годов XIX века на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, а также логику принятия решений в области военного строительства в Российской империи.

По результатам настоящего исследования была установлена взаимосвязь материалов российской военной разведки с изменениями, которые вносились в актуальные проекты развертывания вооруженных сил в западных пределах Российской империи. Таким образом, высшее российское командование, располагая сведениями о планах войны Австро-Венгрии против империи Романовых, имело возможность их прямого сопоставления с собственными проектами на основе моделирования вооруженного столкновения между державами с помощью стратегических военных игр. Это позволяло оптимизировать механизм российского военно-стратегического планирования и увеличивать обороноспособность Российской империи в ее западных пределах.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Российская империя, Австро-Венгрия, военная разведка, военно-стратегическое планирование, международный кризис, Главный штаб, военные игры.

Для цитирования: Арбеков А. Б. «Мы должны во всех отношениях подготовить театры войны Неманский, Привислинский и Волынский»: военные планы Австро-Венгрии и России на рубеже 1870 – 1880-х гг. // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 3 (11). С. 56–70. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70>

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, 2.

© Арбеков А. Б., 2022

Scientific Article

UDC 327.5: 93/94 (410+436)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70>

"WE MUST PREPARE THE THEATERS OF WAR OF THE NEMAN, PRIVISLINSKY AND VOLYN IN ALL RESPECTS": MILITARY PLANS OF AUSTRIA-HUNGARY AND RUSSIA AT THE TURN OF THE 1870^S – 1880^S

Alexander B. Arbekov

Tula State Arms Museum,
Tula, Russia,
arbekoff-alex@ya.ru

Abstract. This article discusses the Austro-Hungarian war plans against Russia in the late 70^s – early 80^s of the 19th century, obtained by Russian military intelligence, and the impact of the plans on Russian military strategic planning in the western direction. The basis of the study are records from the Military Scientific Committee of the Imperial Russian Army General Staff fonds and the Warsaw Military District headquarters from the Russian State Archive of Military History (RGVIA). Materials concerning the Habsburg monarchy military high command plans and the documents of the preparatory work for strategic war games at the Warsaw Military District headquarters make to trace specific changes in the plans of the Russian General Staff in case of war with Germany and Austria-Hungary, as well as the logic of decision-making in the military policy of Russian Empire.

Results of the study show the correlation between the Russian military intelligence materials and the changes in current projects for the deployment of the Russian Empire armed forces on the western borders. The study proves that Russian high command had information about Austria-Hungary's war against the Russian Empire and had the opportunity to compare them with their own war projects based on the simulation of armed conflict using strategic war games. This made it possible to optimize the mechanism of Russian military strategic planning and determine the vector of development of the defense capability of the Russian Empire on the western direction. This helped optimize Russia's military strategic planning mechanism and increase the Russian Empire's defensive capabilities within its western borders.

Keywords: Eastern Question, Russian Empire, Austria-Hungary, military intelligence, military strategic planning, international crisis, General Staff, war games.

For citation: Arbekov, AB 2022, "We must prepare the theaters of war of the Neman, Privislinsky and Volyn in all respects": military plans of Austria-Hungary and Russia at the turn of the 1870^s – 1880^s., *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 3 (11), pp. 56–70, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-3-56-70> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander B. Arbekov* – PhD in History, Researcher, Tula State Arms Museum, 2 st. Oktyabrskaya, Tula, 300002, Russia.

© Arbekov A. B., 2022

Введение

Одной из наиболее актуальных проблем внешней политики современной России на фоне релевантных международных событий остается, по заветам великого русского историка Н. М. Карамзина, «безопасность собственная», особенно западных и юго-западных пределов Российской Федерации. Данная проблематика имеет глубокие исторические корни. Обращаясь к событиям сравнительно недавнего прошлого, легко заметить, что наиболее тяжелые удары по территориальной целостности сначала царской, а затем и советской России наносились именно с западного направления. Поэтому неудивительно, что лучшие российские военные умы на протяжении всего XIX столетия, и особенно в его последней трети, уделяли огромное внимание Царству Польскому, Волыни и Подолии как основным театрам возможных военных действий против блока Центральных держав – Германии и Австро-Венгрии.

Изучение российского военно-стратегического планирования на западном направлении и деятельности отечественной военной разведки в годы предвещающие события Первой мировой войны получили за прошедшее столетие достаточно подробное и разностороннее освещение в трудах как отечественных [3; 5; 11; 12; 13; 24; 26], так и зарубежных научных исследователей [14]. Тем не менее, предпосылки и причины изменений, которые затрагивали актуальные замыслы высшего российского командования, подвергались детальному рассмотрению, по понятным мотивам, преимущественно в период между Русско-японской войной (1904 – 1905 гг.) и Первой мировой (1914 – 1918 гг.). Исключениями в этом ряду являются труды О. Р. Айрапетова и О. Е. Алпева, которые изучали подготовку России к возможной войне с Австро-Венгрией в период Восточного кризиса 1875 – 1878 гг., обозначив основной вектор дальнейшего направления развития российской военной мысли в последние десятилетия XIX в. [2; 4; 7].

Однако и указанные выше фундаментальные исследования не заполняют в полной мере образовавшуюся лауну, затрагивающую, например, рубеж 70-х – 80-х гг. XIX столетия, в период постепенного «созревания» так называемой «милютинско-обручевской» системы военного планирования. Поэтому настоящая статья призвана рассмотреть процесс изменения замыслов российского командования на основе документов военной разведки рубежа 70-х – 80-х гг. XIX в. и материалов подготовительных работ по проведению стратегической военной игры в штабе Варшавского военного округа в 1882 – 1883 гг.

Результаты

После поражения в «Семи недельной войне» 1866 г. против Пруссии и Италии Австро-Венгрия стремилась усилить свое международное положение за счет балканских провинций Османской империи. Но в отличие от России, добивавшейся независимости христианских народов на Балканах от Высокой Порты, правительство Двухединой монархии, как писал в ноябре 1876 г. российский военный агент в Вене полковник Ф. А. Фельдман, направляло «все усилия к принижению Сербии и турецких славян, в виду опасности, угрожающей... в случае образования на балканском полуострове независимых славянских государств» [18, л. 15/об.]. Такая жесткая позиция Вены была обусловлена нараставшими центробежными тенденциями среди преобладавшего славянского населения империи Габсбургов, для которых образование независимых стран на Балканах выступало поводом для реализации собственных национальных интересов.

Противоречия во внешнеполитических курсах двух империй наиболее контрастно проявились во время Восточного кризиса 1875 – 1878 гг. Российское правительство накануне войны с Турцией 1877 – 1878 гг., памятуя горький опыт Крымской войны, обеспечило нейтралитет Австро-Венгрии за счет подписания Будапештской

конвенции 15 января 1877 г., гарантировав ее долю в разделе владений «больного человека Европы», а именно – право на оккупацию Боснии и Герцеговины. Тем не менее, на завершающем этапе войны с Османской империей весной 1878 г., после заключения Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, как сообщал в Петербург российский военный атташе Ф. А. Фельдман, Вена выступала категорически «против оккупации Болгарии (российскими войсками. – А. А.) и сверх того, ссылаясь на пункт нашей (Будапештской. – А. А.) конвенции,... добивается возможного сокращения пределов будущей Болгарии, находя что сколько-нибудь могущественная Болгария противна интересам Австрии» [15, л. 55]. В связи с этим российские стратеги были вынуждены заниматься импровизированным планированием войны против коалиции Австро-Венгрии, Великобритании и Турции при не самом благоприятном военно-политическом и экономическом раскладе [2; 4; 7]. Существенное влияние на этот процесс оказывали разнородные и нередко противоречащие друг другу сведения о замыслах высшего военного командования Двуетной монархии, поступавшие в Петербург зимой – весной 1878 г. [8]. В итоге вооруженное столкновение между державами так и не состоялось, тем не менее, проблема обеспечения безопасности западных границ Российской империи от Австро-Венгрии и Германии стала приоритетной для российских высших военных кругов на последующие десятилетия, что также поспособствовало и интенсификации разведывательной деятельности в этих странах.

К концу 70-х – началу 80-х гг. российская разведка, в сравнении с периодом Восточного кризиса, достигла бо́льших успехов в деле информирования Главного штаба о стратегических планах высшего военного командования империи Габсбургов на случай вооруженного столкновения с Россией. Так, 29 ноября (10 декабря) 1879 г. российский военный агент в Париже полковник барон Л. А. Фредерикс представил в Петербург план военных действий Австро-Венгрии, подразумевавший несколько оперативных сценариев. Согласно дневниковым записям Военного министра Д. А. Милютин за декабрь 1879 г., барон Л. А. Фредерикс приобрел этот документ у отставного австрийского офицера, а сами добытые материалы глава военной партии при императоре Александре Похарактеризовал «весьма важными и для нас весьма полезными» [10, с. 221].

По сведениям российского «дипломата в погонах» в Париже, еще в 1877 г. в разгар Восточного кризиса в высших военных кругах Австро-Венгрии активно рассматривали на случай войны с Россией два варианта возможных действий [16, л. 3/об.]. Поскольку на данном историческом этапе Германия в лучшем случае расценивалась в Вене как нейтральная сторона, а Италия являлась вероятным противником, то в обоих сценариях подразумевалось не выставлять все силы против России и сформировать три армии под общим командованием фельдмаршала эрцгерцога Альбрехта, занимавшего пост генерал-инспектора вооруженных сил Австро-Венгрии. Начальником штаба главнокомандующего выступал фельдмаршал-лейтенант (аналогично званию генерал-лейтенанта в российской армии) барон А. фон Шонфельд, в свою очередь являвшийся начальником Генерального штаба австро-венгерской армии [16, л. 8].

Два варианта развертывания вооруженных сил Австро-Венгрии против России, по сведениям полковника Л. А. Фредерикса, отличались как направлениями ударов, так и диверсификацией ресурсов для их практического осуществления. При первом сценарии 1-я или Главная действующая армия под командованием фельдцейхмейстера (аналогично званию полного генерала в российской армии) Й. фон Маройчича, приблизительной численностью 350 тыс. чел., опираясь на Краков – ключевой центр стратегического сосредоточения войск Дунайской монархии, должна была продвигаться по левому берегу Вислы на Варшаву. 2-я армия под командованием фельд-

цейхмейстера Ф. фон Куна численностью от 100 до 120 тыс. чел. направлялась по правому берегу Вислы с целью разорвать связь Варшавы с внутренними военными округами Российской империи. 3-я или Восточная армия фельдцейхмейстера барона Й. Филипповича также численностью от 100 до 120. тыс. чел., должна была действовать по направлению к Киеву [16, л. 3].

Как свидетельствуют материалы полковника Л. А. Фредерикса, высшие военные круги Дунайской монархии признавали следующие преимущества первого сценария: 1) наличие надежных баз в Кракове и Ольмюце; 2) расположение в тылу обширной железнодорожной сети для снабжения наступающих войск; 3) превосходное состояние путей сообщений и дорог, пролегающих по левому берегу Вислы для движения основных сил; 4) относительное благосостояние населения той местности, на которой предстояло действовать, что упрощало снабжение армии на оккупированных территориях; 5) Варшава – главный политический центр западной части Российской империи – располагалась на левом берегу Вислы, из-за чего неминуемо попадала в сферу операций Главной действующей армии; 6) большая вероятность поддержки польского населения в борьбе с российскими войсками [16, л. 4].

В то же время первый оперативный сценарий содержал в своей формуле и ряд существенных недостатков, имевших обоюдоострое выражение для Австро-Венгрии. Во-первых, «то обстоятельство, что овладение Варшавой не могло иметь еще окончательно решающего значения на результат кампании, напротив, по завладению Варшавой пришлось бы совершить переправу через Вислу в виду сильного неприятеля, что, принимая во внимание недостаточность понтонных парков и перевозочных средств в австрийской армии, сопряжено было бы с величайшими затруднениями». Во-вторых, «с принятием первого плана действий, в случае неудачи и разбития Главной австрийской армии, сообщения ее с остальными армиями легко и надолго могли бы быть прерваны и восстановление этой связи могло бы произойти вновь лишь в пределах самой Австрии и, во всяком случае, было бы искуплено потерей Галиции» [16, л. 4–4/об.].

Также от себя добавим, что первый оперативный сценарий, исходя из данных российской разведки, подразумевал прямую атаку с фронта, фактически «в лоб», на достаточно сильно укрепленные позиции российских войск в Варшаве, подставляя при этом под удар фланги Главной действующей армии. Поэтому в связи с перспективой вероятного провала первого варианта военных действий после дополнительной проработки в Военном министерстве Австро-Венгрии в ноябре 1878 г. императором Францем Иосифом был утвержден второй, более осторожный, сценарий развертывания вооруженных сил Дунайской монархии [16, л. 5]. Этот сценарий гораздо в большей степени соответствовал актуальным взглядам на военное искусство, подразумевавшее осуществление глубокого охвата флангов неприятеля с целью организовать «стратегические Канны» и тем самым замкнуть в клещи его основные силы.

По данному плану численность Главной действующей армии оставалась неизменной – 350 тыс. чел. – менялись точки ее сосредоточения и направление ударов. Теперь 1-я армия концентрировалась у нижнего течения р. Сан, после чего продвигалась по правому берегу Вислы на Седлеци далее к Белостоку, чтобы занять пространство между Бугом и Вислой и тем самым «вклиниться» в русские позиции в западных пределах империи. По предположению австрийского Генерального штаба главные российские силы сосредоточатся в районе Люблина, к которому основные части 1-й армии будут осуществлять концентрическое наступление. После успешного занятия Люблина предполагалось, что царские войска начнут отступление за линию р. Вепрж, чтобы там принять упорную оборону [16, л. 6/об.]. Одновременно левый и правый фланги Главной действующей армии должны были обложить крепость Ивангород и овладеть городом Владимиром-Волынским, а также частью железной дороги

между Луцком и Ковелем. Далее предполагалось форсировать р. Вепржъ и осуществить концентрическое наступление всех частей 1-й армии для занятия пространства между Седлецом, Луковом, Радином и Мензержицком. «Этому пространству в Австрии придается особое значение, – комментировал второй оперативный сценарий полковник Л. А. Фредерикс. – Австрийский штаб признает, что с обладанием оным вполне обеспечиваются уже достигнутые результаты военных действий и разобщается связь русской армии с Варшавой, а при дальнейшем ходе кампании представится возможность беспрепятственного движения войск во всех направлениях» [16, л. 7].

Параллельно силы 2-й армии численностью в 87 тыс. чел. предполагалось сосредоточить на верхнем течении Вислы с опорой на укрепленные позиции в Кракове [16, л. 5/об.]. В ее задачи входила организация движения к Варшаве, чтобы отвлекающим маневром стянуть на себя как можно большее количество частей российской армии и сковать их на левом берегу Вислы, тем самым способствуя наступлению Главной действующей армии по направлению к Люблину [16, л. 7/об.–8].

3-я или Восточная армия численностью в 84 тыс. чел. осуществляла сосредоточение в пределах Восточной Галиции между Радзиловым и Подволочиском, однако наступательные цели данной войсковой группировки, направленной против Киева, полковнику Л. А. Фредериксу выяснить не удалось [16, л. 8]. Только к ноябрю 1880 г., благодаря добытому военным агентом в Вене генерал-майором Ф. А. Фельдманом военно-статистическому сборнику «Военная география Галиции и западной России» за авторством офицера австрийского Генерального штаба майора Фидлера, высшему российскому командованию стало известно, что в Вене операционному направлению из Восточной Галиции и Буковины не предавали большого значения, поскольку «Киев... не может сравниться с Варшавой, ни по величине, ни по политическому значению или как узел дорог. Овладение Киевом... может иметь только значение частного успеха... На Висле же... Польша может быть отнята навсегда... Без Польши, границы России отодвигаются к Двине и Днепру, где утраченные выгоды не возмещаются; в этом случае ее (России. – А. А.) политическое и военное влияние низводится на степень континентальной полуазиатской державы допетровской эпохи» [25, с. 76, 78–79].

Исследуя влияние представленного выше документа, добытого российской военной разведкой, на процесс военно-стратегического планирования следует обратиться, прежде всего, к дневнику Военного министра Д. А. Милютин. После получения данной информации от полковника Л. А. Фредерикса в начале декабря 1879 г. Д. А. Милютин организовал совещание, на котором помимо вопросов по укреплению западных границ империи обсуждались и материалы российского военного агента в Париже относительно стратегических замыслов Дуалистической монархии [10, с. 223]. На основании изложенного можно предположить, что эти данные легли в основу плана войны против блока Центральных держав – Германии и Австро-Венгрии – за авторством управляющего Военно-ученым комитетом Главного штаба генерал-адъютанта Н. Н. Обручева, утвержденного императором Александром II 29 января (10 февраля) 1880 г. [24, с. 64]. Как известно, план генерала Н. Н. Обручева предполагал два способа действий – оборонительный и оборонительно-наступательный, отличавшиеся распределением сил и вариантом их стратегического развертывания против Германии и Австро-Венгрии. Поскольку сам «Русский Мольтке» был ярым сторонником идеи, что «на неприятельское вторжение» отвечать следует «тоже вторжением» [23, л. 22/об.], то представляется обоснованным в данном контексте предметно рассмотреть только второй вариант.

Так, генерал Н. Н. Обручев предлагал сформировать четыре крупных войсковых группировки на западных границах Российской империи – Неманскую армию из

140 батальонов, 90 эскадронов и 432 орудий; Среднюю армию или Белосток-Гродненский отряд в составе 64 батальонов, 44 эскадронов и 210 орудий для связи между двумя ближайшими более крупными группировками; Вислинскую армию для обороны Царства Польского из 200 батальонов, 104 эскадронов и 582 орудий; и Главную или Юго-Западную армию для наступления в Восточную Галицию в составе 360 батальонов, 247 эскадронов и 1,152 орудий [23, л. 23/об.].

По оборонительно-наступательному сценарию генерал Н. Н. Обручев предполагал держаться строгой обороны против Германии, поскольку российская армия не могла завершить мобилизацию и обеспечить сосредоточение своих сил быстрее германских войск. Еще в 1875 г. опыт проведения военной игры, состоявшейся в Николаевской академии Генерального штаба, наглядно продемонстрировал, что из-за специфики дислокации российских вооруженных сил в мирное время, ввиду огромных территориальных пространств России, было невозможно обеспечить своевременную концентрацию полумиллионной армии в западных пределах империи для срыва германского наступления [9, с. 90–91]. Вместе с этим «Русский Мольтке», вероятно опираясь на сведения российской военной разведки, видел реальный шанс прежде разгромить самую немногочисленную Восточную армию Австро-Венгрии, направленную против Киева, превосходящими силами Юго-Западной армии, чтобы вторгнуться в Восточную Галицию и поставить таким образом под угрозу тылы главных сил наступления Двуетной монархии.

Как свидетельствует дневниковая запись Д. А. Милютина от 26 февраля 1880 г., в ходе совещания в Петербурге с командующими войсками Виленского, Варшавского и Киевского военных округов все предположения генерала Н. Н. Обручева были одобрены «без всяких изменений» [10, с. 267]. В мае того же года была сформирована комиссия для возведения новых оборонительных укреплений в треугольнике Варшава – Ивангород – Зегрж. Результаты работы этой комиссии послужили основой для программы фортификационного строительства в западных пределах Российской империи на последующие 25 лет [2, с. 273].

Вскоре российский военный агент в Вене генерал-майор Ф. А. Фельдман в рапорте от 22 июня (3 августа) 1880 г. представил в Петербург новый подробный план развертывания вооруженных сил Австро-Венгрии против России [16, л. 79–86]. За время службы в австрийской столице российскому «дипломату в погонах» удалось завербовать офицера, состоявшего в мобилизационном отделении австрийского Генерального штаба. Он поставлял российскому военному агенту сведения о порядке и сроках мобилизации австро-венгерской армии [15, л. 180–187; 17, л. 48]. Также вполне вероятно, что именно этот офицер передал генерал-майору Ф. А. Фельдману и актуальный план сосредоточения австро-венгерских войск на случай войны с Россией. Впоследствии эти сведения были опубликованы в 1881 г. типографией Главного штаба в военно-статическом сборнике «Австро-Венгрия. Дополнения и изменения к отделу II. Вооруженные силы» [1].

В документе, добытом генерал-майором Ф. А. Фельдманом, выстраивалась такая внешнеполитическая конфигурация, которая позволяла в теории сосредоточить практически все австро-венгерские войска на границе Царства Польского и Подолии. В частности указывалось, что Германия «сочувствует» Австро-Венгрии, а Италия, Румыния и «балканские земли» занимают по отношению к ней строгий нейтралитет [1, с. 110]. Далее для войны с Россией в Австро-Венгрии будут мобилизованы одиннадцать корпусов с четырьмя отдельными пехотными и шестью кавалерийскими дивизиями, сформировавшиеся в четыре армии общей численностью в 730 тыс. чел. и около 1,400 орудий [1, с. 139]. В сравнении с планом 1878 г., добытым полковником Л. А. Фредериксом, основная композиция австро-венгерских сил на восточной границе, заложенная и в план 1880 г., оставалась практически неизменной, однако в

связи с более благоприятной внешнеполитической обстановкой теперь у Перемышля формировалась отдельная армия из 180 тыс. чел. для движения к Бресту, чтобы отрезать тыл основного стратегического плацдарма российской армии в Царстве Польском [1, с. 142].

Также сведения генерал-майора Ф. А. Фельдмана, в сравнении с материалами полковника Л. А. Фредерикса, добытыми годом ранее, содержали гораздо больше подробностей относительно механизма мобилизации и сроков сосредоточения австро-венгерских войсковых группировок на восточных границах империи Габсбургов. Так, по данным генерал-майора Фельдмана, армия для действий против Киева концентрировалась между Бродами и Черновицами уже в 15-й день мобилизации, а остальные три в Перемышле между Ярославом и Ряшевым и в Тарнове к 31-му дню [16, л. 86]. Для прикрытия сосредоточения австро-венгерских войска пограничных пунктах в мирное время в усиленном составе содержались кавалерийские подразделения, в задачу которых к 16-му дню мобилизации входило разрушение железнодорожных линий в Царстве Польском, чтобы «расстроить весь план перевозки войск (России. – А. А.) и надолго отсрочить их сосредоточение» [1, с. 138].

Таким образом, к началу 80-х гг. XIX в. российский Главный штаб, благодаря высокой эффективности военной разведки, имел достаточно богатые и разнородные сведения о планах высшего австро-венгерского командования на случай войны с Россией. В то же время эти данные верифицировались поступлениями новой актуальной информации, которая подтверждала точность уже добытых ранее материалов. В свою очередь, наличие подобных информационных ресурсов позволяло российскому командованию не только заниматься систематической разработкой ответных мер, но и осуществлять их практическую проверку посредством проведения так называемых стратегических военных игр. В данном случае считаем уместным привести развернутое определение этого термина, представленное российским историком О. Е. Алпеевым в его научных трудах. «Под стратегическими играми подразумевались занятия, в процессе которых разыгрывались действия двух противоборствующих армий, состоявших из нескольких корпусов, отдельных пехотных и кавалерийских дивизий и вспомогательных частей. Эти игры проводились при окружных штабах с привлечением старших войсковых начальников и / или высших офицеров Генерального штаба... В задания для стратегических игр обязательно вводились действительные сведения о сосредоточении войск армии, формируемой военным округом, и предположения о действиях вероятных противников» [6, с. 232–235].

Одной из первых попыток проведения таких стратегических игр была предпринята в штабе Варшавского военного округа в конце 1882 – первой половине 1883 гг. Однако состоялся ли ее розыгрыш или нет, сохранившиеся архивные материалы однозначного ответа пока не дают. Тем не менее, ее сопроводительная документация представляет научный интерес сразу в нескольких измерениях: во-первых, она позволяет проследить влияние разведывательных сведений на процесс военно-стратегического планирования; во-вторых, рассмотреть процесс эволюции российской военной мысли в конце XIX в.

В фонде штаба Варшавского военного округа, хранящегося в РГВИА, сохранилось четыре дела, относящихся к подготовительным работам данной военной игры. Первый документ – это протоколы трех заседаний совета посредников, проведенных в октябре – ноябре 1882 г. и в апреле 1883 г., на которых обсуждались различные аспекты предстоявшей стратегической поездки к р. Вепржь весной 1883 г., в том числе и организационные вопросы, касавшиеся самой военной игры. Первоначально ее планировалось разыграть в декабре 1882 г., т.е. до начала самой стратегической поездки офицеров штаба Варшавского военного округа [22]. Однако, как свидетельствует сохранившийся журнал подготовительных занятий к стратегической военной

игре, сам процесс подготовки к ней растянулся до 2 (14) января 1883 г., последняя же запись в документе относится к 5 (17 мая) того же года о получении «нового задания для австрийской стороны» [21, л. 3/об.–4].

Второе дело содержит: 1) журнал подготовительных занятий по проработке задания австрийской стороны под руководством генерал-майора Главного штаба К. М. Войде; 2) легенду стратегической игры, раскрывающей характер предполагаемых действий Двойственного союза против России; 3) выдержки из военно-статического сборника «Австро-Венгрия. Дополнения и изменения к отделу II. Вооруженные силы», в котором содержался подробный план развертывания вооруженных сил Дунайской монархии актуальный на 1880 г., добытый военным агентом в Вене генерал-майором Ф. А. Фельдманом; 4) мобилизационные таблицы австро-венгерских войск и пункты их сосредоточения на восточной границе, также основанные на данных российской военной разведки; 5) карты, с обозначением районов концентрации корпусов и дивизий Австро-Венгрии; 6) предполагаемый план сосредоточения российской армии на Волыни для действий против Австро-Венгрии; 7) проработанное задание и директивы для австрийской стороны [21].

Два оставшихся дела посвящены планам действий Наревской и Люблинской (в некоторых документах Вепржинской) армий, а также отдельного Привислинского отряда [19; 20].

Первое заседание совета посредников состоялось 12 (24) октября 1882 г. под председательством начальника штаба Варшавского военного округа генерал-лейтенанта Н. Я. Зверева, назначенного руководителем стратегической поездки к р. Вепрж. Согласно протоколу, австрийскую сторону предстояло отыгрывать генерал-майору К. М. Войде, российскую – генерал-майору М. Х. фон Мевесу, начальнику штаба XIV армейского корпуса, дислоцированного в Варшавского военном округе [22, л. 3]. На втором заседании для руководства действиями германской армии в ходе военной игры было решено назначить полковника В. А. Гойера [22, л. 28].

Главной причиной поездки была обозначена рекогносцировка южной части театра военных действий в Царстве Польском в районе левого притока Вислы рядом с Ивангородской крепостью у р. Вепрж, где предполагалось расположить части XVI корпуса для обороны данного района от наступления австро-венгерских войск [22, л. 3/об.–4]. Для этого, в свою очередь, на совете посредников было предложено предварительно произвести розыгрыш «действий кавалерий и больших операций на Нареве, Бобре и Немане», а также в западной части Царства Польского [22, л. 14], «и затем, теми данными, кои и будут выяснены при игре, руководствоваться уже во время поездки на Вепрж» [22, л. 5].

Таким образом, на основе стратегической военной игры в штабе Варшавского военного округа, как нам представляется, намеревались проверить соответствие общих положений ранее разработанных планов развертывания российских вооруженных сил на западной границе актуальной военно-политической обстановке. Одним из наиболее важных аспектов этого «тестирования» являлось изучение эффективности маневров российских кавалерийских подразделений, расположенных в мирное время по всей линии границы с Австро-Венгрией с целью прикрыть сосредоточение основной массы российских войск [22, л. 8–8/об.]. Для этого, как свидетельствует сохранившийся журнал подготовительных занятий австрийской стороны, в штабе Варшавского военного округа составили таблицу последовательного прибытия австро-венгерских частей к пунктам сосредоточения при условии полного разрушения российской кавалерией сети вражеских железных дорог в Галиции [21, л. 3/об.].

На первом заседании совета посредников 12 (24) октября 1882 г. был представлен план сосредоточения 15-ти германских корпусов. В его основу ложилось предположение, что главный ударный кулак Второго рейха будет сконцентрирован в юго-

восточной части Восточной Пруссии «с целью оперировать оттуда в направлении на Брест-Литовск». Считалось, что к 24-му дню мобилизации германской армии сосредоточение успевали завершить только восемь корпусов, остальные же соединения – во временной интервал с 24-й по 32-й день [22, л. 5/об.]. На втором заседании совета посредников 2 (14) ноября 1882 г. были утверждены и общие контуры действий германских войск. В целом продвижение армии Второго рейха, по мнению совета, «будет происходить уступами, начиная с левого фланга» [22, л. 23]. Задача основных германских сил при вторжении из Восточной Пруссии заключалась, как и было обозначено на первом заседании, в наступлении на Брест-Литовск с целью отрезать российские армии, дислоцированные в Царстве Польском, от внутренних округов империи, и в продвижении трех корпусов для действий против российских войск на Немане. Также в их задачу входило захват Вильно основной транспортной артерии Царства Польского – Петербурго-Варшавской железной дороги [22, л. 23].

После определения общего характера действий германских войск последовал вопрос – «следует ли во время будущей поездки руководствоваться планом сосредоточения австрийской армии, приведенным в издании ученого комитета Главного штаба, или же... составить новый план вследствие того, что присланный план сосредоточения составлен на случай войны Австрии с Россией без союза с Германией»? После обсуждений в совете посредников было установлено, что «Австрия вряд ли станет воевать с Россией одна, а непременно в коалиции с Германией», поэтому опубликованным в Главном штабе планом, как основанным на действиях Австро-Венгрии без союзников, «руководствоваться не приходится и необходимо составить новый план сосредоточения войск этой державы» [22, л. 12/об.–13]. Задача эта возлагалась на генерал-майора Главного штаба К. М. Войде, отыгрывавшего роль командующего армией Дунайской монархии.

В записке, «объясняющей общий план действий австро-венгерской армии при союзе Австро-Германии против России», составленной генерал-майором К. М. Войде в ноябре 1882 г. после второго заседания совета посредников, воспроизводились основные положения плана развертывания четырех армий империи Габсбургов, опубликованного ранее в российском Главном штабе [18, л. 5–7/об.]. Однако в связи с необходимостью по легенде игры союзных действий с Германией, действующей по направлению на Брест-Литовск и Белосток, все удары Двуетидной монархии теперь преследовали цель «сблизить и сомкнуть обоюдные... сферы действий занятием разделяющей их территории», а также «вынудить противника к невыгодному для него бою и одержать на первых парах крупный успех» [21, л. 5/об.].

По легенде игры для замыкания «обоюдных сфер действий» Германии и Австро-Венгрии против России со стороны Двуетидной монархии требовалось: 1) вторгнуться основными силами в Люблинскую губернию; 2) занять территорию Царства Польского на левому берегу Вислы, чтобы обустроить вспомогательную базу для поддержки наступления на Люблинском направлении; 3) прикрыть обозначенные выше действия и пределы Галиции от ответного вторжения российских войск, концентрирующихся на Волыни [21, л. 6/об.]. Согласно плану, предложенному генерал-майором К. М. Войде, три австро-венгерские армии будут действующими, а одна – резервной. Первоначальная задача 1-й армии состояла в защите восточной границы Галиции от действий Волынской армии, чтобы обеспечить стратегическое сосредоточение всех остальных войсковых группировок Дунайской монархии [21, л. 10/об.]. 2-й армии предписывалось на первых этапах операции служить общим резервом для 1-й и 3-й армий, также ей поручалась «подготовка упорной обороны линии Пржеворск – Перемышль – Староместо, а также нижнего Сана». 3-я армия готовилась для вторжения в Люблинскую губернию для занятия линии Красновостав – Владимир-Волынский. «Дальнейшие действия будут зависеть от обстоятельств, – писал генерал-майор

Войде. – Цель: прямо или косвенно, но непременно действительно содействовать германцам на Брест-Литовск» [21, л. 11–11/об.]. Задача 4-й армии заключалась в поддержке наступления 3-й армии, «занятием края по левому берегу Вислы с устройством двух военных переправ через эту реку у Ралова и Завилоста или вместо Завилоста у Юзефова <...> Задачей 3-й армии будет тоже поддержать австрийские власти в занятом крае между Вислой и Галицией и облегчить сбор средств для надобностей австро-венгерских войск» [21, л. 12]. В конце игры совет посредников должен был определить время, когда австро-венгерские войска смогут соединиться с германскими, прорвавшимися за Нарев и Буг [21, л. 69–69/об.].

Для противодействия Двойственному союзу на западной границе Российской империи, как и в плане генерала Обручева 1880 г., по легенде игры формировались четыре армии: двум из них предстояло действовать против Германии, двум – против Австро-Венгрии. Однако в сравнении с замыслами «Русского Мольтке» значительно менялось распределение сил между ними. Так, согласно сохранившимся запискам М. Х. фон Мевеса и К. М. Войде, вместо Средней армии создавалась Наревская, и ее состав увеличивали до 177 батальонов, 95 эскадронов и 554 орудий [19, л. 21]. Вислинскую армию, предназначенную по плану Обручева 1880 г. для обороны Царства Польского, переформатировали в Люблинскую (или Вепржинскую) армию в составе 117 батальонов, 98 эскадронов и 372 орудий и отдельный Привислинский отряд (или корпус) из 40 батальонов, 35 эскадронов и 108 орудий [20, л. 1; 19, л. 23/об.]. Главную или Юго-Западную армию переименовывали в Волынскую, и в связи с усилением войск для обороны Царства Польского численно уменьшали ее состав до 280 батальонов, 72 эскадронов, 36 казачьих сотен и 888 орудий [21, л. 64/об.]. Трансформациям подвергалась также и Неманская армия, действующая на северо-западе против Германии. Согласно протоколу второго заседания совета посредников, ее формировали из II, III и IV армейских корпусов и 5-й стрелковой бригады, за исключением 25-й пехотной дивизии II корпуса, которую задействовали при сосредоточении Наревской армии. Общей состав данной войсковой группировки исчислялся в 6¼ дивизий пехоты [22, л. 19/об.].

По расчетам штаба Варшавского военного округа мобилизация Волынской армии из частей Киевского, Харьковского и Одесского округов занимала 10 дней, однако ее сосредоточение растягивалось на 31 день, что в сумме требовало 41 день для выполнения стратегического развертывания всей войсковой группировки, имевшей задачу наступления в Восточную Галицию [21, л. 65]. В случае же Наревской и Люблинской армий их полное сосредоточение в районе Бреста могло быть осуществлено только на 40-й и 45-й день соответственно [19, л. 3–3/об.], без учета прибытия второочередных казачьих частей. Однако передовые подразделения Наревской армии из состава войск Варшавского военного округа численностью в 165 батальонов могли вступить в бой для сдерживания германского наступления на 27-й день мобилизации [19, л. 4], а передовые части Люблинской армии численностью в 60 батальонов (в записке М. Х. фон Мевеса приравниваются 60-ти тысячам), чтобы замедлить темпы продвижения австро-венгерских соединений и обеспечить полное развертывание российских вооруженных сил в районе Бреста, – на 25-й – 27-й день [20, л. 5].

Общий же план российской стороны заключался в следующем: войска, направленные против Германии – Неманская и Наревская армии, а также Привислинский отряд, – придерживались строго оборонительного образа действий, в случае с Австро-Венгрией предполагалось осуществить наступление силами Волынской армии, а Люблинской – одновременно держать упорную оборону в районе р. Вепржь и способствовать наступлению со стороны Волыни. По получению первых сведений о действиях войск Дунайской монархии Россия сосредотачивала имеющиеся силы к Холму и Ко-

велю, а также осуществляла из Люблинской губернии кавалерийские рейды для разрушения железных дорог в Галиции [20, л. 6–6/об.; 21, л. 69/об.]. При неблагоприятном стечении обстоятельств и отсутствии возможности удерживать оборону на р. Нарев российским войскам, действующим против Германии, предписывалось совершать концентрическое отступление в пространство к востоку от Брест-Литовска. В то же время Наревской и Люблинской армиям ставилась задача «не терять связи с Брестом и, кроме того, первая из них держит направо связь с Неманской армией, а вторая, налево с Волынской. Варшаву укрепить, но держаться лишь до подхода больших масс противника, или пока неприятель успеет одержать успех на Нареве». В последнем случае войскам, занимающим Варшаву, по легенде игры следовало отступать на соединение с войсками, действующим против германской армии [22, л. 27–27/об.]. После успешного сосредоточения основных сил Наревской и Люблинской армий на Западном Буге им предписывалось, опираясь на линию крепостей Новогеоргиевск – Варшава – Ивангород, осуществить контрнаступление против союзных австро-германских войск [19; л. 7–7/об.; 20, л. 6–6/об.].

Выводы

Из представленных выше документальных материалов, можно сделать вывод о том, что стратегическая военная игра в Варшавском военном округе была призвана выяснить смогут ли российские соединения: 1) успешно задержать наступление превосходящего числом противника; 2) обеспечить своевременную перегруппировку и сосредоточение своих сил в районе Брест-Литовска на Западном Буге для ответных действий против Австро-Венгрии и Германии. К сожалению, обнаруженные документы в фондах РГВИА пока не дают ответа, была ли это проверка осуществлена и к каким выводам по ее итогам пришли высокопоставленные офицеры в Варшаве и в Петербурге. Однако, если обратиться к запискам генерала Н. Н. Обручева за 1883 и 1887 гг., то можно заметить, что в них в сравнении с планом 1880 г. менялся состав действующих армий и районы их сосредоточения на конфигурацию довольно близкую к изложенной в подготовительных материалах к стратегической военной игре 1882 – 1883 гг. [11, с. 33–37]. Также генерал Н. Н. Обручев пришел к достаточно пессимистичным выводам, которые вероятно были продиктованы результатами деятельности штаба Варшавского военного округа: «Пока дороги на нашем западе не получают необходимого развития, нет плана действий, который мог бы нам обещать скольнибудь верный и надежный успех... Мы должны во всех отношениях подготовить театры войны Неманский, Привислинский и Волынский» [11, с. 34–35].

Таким образом, можно констатировать, что материалы российской военной разведки оказывали заметное влияние на процесс подготовки России к войне с блоком Центральных держав на западных границах империи в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. Они позволяли посредством военных игр осуществлять моделирование возможных действий противников и на основе полученных данных выстраивать вектор дальнейшего развития обороноспособности России от внешней угрозы на последующие десятилетия.

Список источников и литературы

1. *Австро-Венгрия. Дополнения и изменения к отделу II. Вооруженные силы.* СПб., 1881. 208 с.
2. Айрапетов О. Р. Генерал-адъютант Николай Николаевич Обручев (1830 – 1904): портрет на фоне эпохи: биография. М.: Русская книга : Алгоритм, 2018. 496 с.
3. Айрапетов О. Р. Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917) : 1914 год : Начало. М.: Кучково поле, 2014. 640 с.

4. *Алпеев О. Е.* Война после победы?.. Планы генерала Н. Н. Обручева на случай конфликта с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции (1878 г.) // Вопросы Истории. 2021. № 11. С. 28–55.
5. *Алпеев О. Е.* На пути к Каннам. Планирование «похода в Восточную Пруссию» в штабе Варшавского военного округа, 1872 – 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2011. Т. 10. С. 183–260.
6. *Алпеев О. Е.* Организация и порядок проведения стратегических военных игр Генерального штаба русской армии в 1906 – 1914 годах // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 42. С. 225–261.
7. *Алпеев О. Е.* Планирование Россией войны с коалицией Великобритании, Австро-Венгрии и Турции в 1878 г. // Славяне и Россия: Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII – XXI вв. (Мифы и реальность) : сб. ст. по материалам междунар. науч. конф., Москва, 20–21 ноября 2018 г. / гл. ред. К. В. Никифоров. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2019. С. 120–136.
8. *Арбеков А. Б.* Российская военная разведка в Австро-Венгрии в 1876 – 1878 годах // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 4 (93). С. 14–21.
9. *Венюков М. И.* Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора 1855 – 1878. Т. 2 : Вещественные силы России и их развитие : Вып. 2. [Лейпциг], 1879. 204 с.
10. *Милютин Д. А.* Дневник. 1873–1882. Т. 2. М.: Захаров, 2016. 543 с.
11. *Зайончковский А. М.* Подготовка России к мировой войне: планы войны (1914 – 1918 гг.). Репр. изд. М.: URSS : Ленанд, 2021. 448 с.
12. *Зайончковский П. А.* Военные реформы 1860 – 1870 гг. в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 368 с.
13. *Каширин В. Б.* Дозорные на Балканах: русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М.: ВИКМО-М, 2014. 629 с.
14. *Меннинг Б. У.* Пуля и штык. Армия Российской империи 1861 – 1914. М.: Модест Колеров, 2016. 423 с.
15. *Российский государственный военно-исторический архив* (далее – РГВИА). Ф. 401. Оп. 3. 1878. Д. 14.
16. РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 60.
17. РГВИА. Ф. 428. Оп. 1. Д. 194.
18. РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 49.
19. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 89.
20. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 90.
21. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1669.
22. РГВИА. Ф. 1859. Оп. 1. Д. 1672.
23. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 97.
24. *Ростунов И. И.* Русский фронт Первой мировой войны. М.: Наука, 1976. 387 с.
25. Сборник военных обзоров Западной России и пограничных областей Австро-Венгрии и Германии. Вып. 1: Австрийские источники. СПб.: Военная тип. : издание Военно-ученого ком. Главного штаба, 1881. 180 с.
26. *Сергеев Е. Ю., Улунян А. А.* Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900 – 1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. 480 с.

References

1. *Austro-Vengriya. Dopolneniya i izmeneniya k otdelu II. Vooruzhennye sily* (Austria-Hungary. Appendices and Edits to Sector II. Military forces.) 1881, St. Petersburg. (In Russ.)
2. *Ajrapetov, OR 2018, General-adyutant Nikolay Nikolayevich Obruchev (1830 – 1904): portret na fone epokhi: biografiya* (Adjutant-General Nikolay N. Obruchev (1830 – 1904). Portrait on the background of the age), Russkaya kniga, Algoritm publ, Moscow. (In Russ.)

3. Ayrapetov, OR 2014, *Uchastiye Rossiyskoy imperii v Pervoy mirovoy voyne (1914 – 1917) : 1914 god : Nachalo* (The Russian Empire's involvement in the First World War. 1914. The Beginning), Kuchkovo pole publ, Moscow. (In Russ.)
4. Alpeev, OE 2021, *Voyna posle pobedy?.. Plany generala N. N. Obrucheva na sluchay konflikta s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii (1878 g.)* (War after Victory? (General N.N. Obruchev's plans for a conflict with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey (1878), *Questions of History*, no. 11, pp. 28–55. (In Russ.)
5. Alpeev, OE 2011, *Na puti k Kannam. Planirovaniye «pokhoda v Vostochnuyu Prussiyu» v shtabe Varshavskogo voyennogo okruga, 1872–1914 gg.* (On the road to Cannes. Planning the "march to East Prussia" at the Warsaw Military District headquarters, 1872 – 1914), *Russian Digest: studies of the Russian History*, Vol. 10, Moscow, (In Russ)
6. Alpeev, OE 2014, *Organizatsiya i poryadok provedeniya strategicheskikh voyennykh igr Generalnogo shtaba russkoy armii v 1906 – 1914 godakh* (Organization and Proceeding of Strategic War Games of Russia's General Staff 1906 – 1914), *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* (Public Administration. E-journal), no. 42, pp. 225–261. (In Russ.)
7. Alpeev, OE 2019, *Planirovaniye Rossiiyey voyny s koalitsiyey Velikobritanii, Avstro-Vengrii i Turtsii v 1878 g.* (Russia's planning for war with a coalition of Britain, Austria-Hungary and Turkey in 1878.) in KV Nikiforov (ed.) *Slavs and Russia: Russia, Bulgaria, Balkans. The problems of war and peace. 18th – 21st centuries (Myths and reality)*, 20-21 November 2018, In-t slavyanovedeniya RAN publ, Moscow, pp. 120–136. (In Russ.)
8. Arbekov, AB 2021, *Rossiyskaya voyennaya razvedka v Avstro-Vengrii v 1876 – 1878 godakh* (Russian Military Intelligence in Austria-Hungary in 1876–1878), *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific Notes of Orel State University), no. 4 (93), pp. 14–21. (In Russ.)
9. Venyukov, MI 1879, *Istoricheskiye ocherki Rossii so vremeni Krymskoy voyny do zaklyucheniya Berlinskogo dogovora 1855–1878.* (Historical sketches of Russia from the Crimean War to the Berlin Treaty of 1855–1878.), Vol. 2, Leipzig. (In Russ.)
10. Milyutin, DA 2016, *Dnevnik. 1873 – 1882.* (Diary. 1873 – 1882), Vol. 2. Moscow. (In Russ.)
11. Zayonchkovskiy, AM 2021, *Podgotovka Rossii k mirovoy voyne: plany voyny (1914 – 1918 gg.)* (Russia's preparations for world war: war plans (1914 – 1918)), reprint, Moscow. (In Russ.)
12. Zayonchkovskiy, PA 1952, *Voyennyye reformy 1860 – 1870 gg. v Rossii.* (Military reforms in Russia, 1860 – 1870), Izd-vo Mosk. un-ta publ, Moscow. (In Russ.)
13. Kashirin, VB 2014, *Dozornyye na Balkanakh: russkaya voyennaya razvedka v stranakh Balkanskogo poluoostrova nakanune i v gody Pervoy mirovoy voyny* (Patrolers in the Balkans: Russian Military Intelligence in the Balkan Peninsula before and during the First World War.), VIKMO-M publ, Moscow. (In Russ.)
14. Menning, BW 2016, *Pulya i shtyk. Armiya Rossiyskoy imperii 1861 – 1914* (Bayonets Before Bullets. The Imperial Russian Army, 1861 – 1914), Modest Kolerov publ, Moscow. (In Russ.)
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA)* (Russian State Military Historical Archive). Fund. 401. Inventory. 3. 1878. File. 14. (In Russ.)
16. *RGVIA*. Fund. 401. Inventory. 3. 1879. File. 60. (In Russ.)
17. *RGVIA*. Fund. 428. Inventory. 1. File. 194. (In Russ.)
18. *RGVIA*. Fund. 431. Inventory. 1. File. 49. (In Russ.)
19. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 89. (In Russ.)
20. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 90. (In Russ.)
21. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 1669. (In Russ.)
22. *RGVIA*. Fund. 1859. Inventory. 1. File. 1672. (In Russ.)
23. *RGVIA*. Fund. 2000. Inventory. 1. File. 97. (In Russ.)
24. Rostunov, II 1976, *Russkiy front Pervoy mirovoy voyny* (Russian front of the Great War), Nauka publ, Moscow. (In Russ.).
25. *Sbornik voyennykh obzorov Zapadnoy Rossii i pogranichnykh oblastey Avstro-Vengrii i Germanii* (Collection of military reviews of Western Russia and the Austro-Hungarian and German border regions), 1881, *Avstriyskiye istochniki* (Austrian sources) Vol. 1, *Voyennaya tip. : izdaniye Voyenno-uchenago kom. Glavnago shtaba* publ, St. Petersburg. (In Russ.)

26. Sergeev, EYu & Ulunyan, AA 2003, *Ne podlezhit oglasheniyu: Voyennyye agenty Rossiyskoy imperii v Yevrope i na Balkanakh, 1900 – 1914*, (Confidential. Military Agents of Russian Empire in Europe and Balkan peninsula. 1900 – 1914), Reali-Press publ, Moscow. (In Russ)

Статья поступила в редакцию: 17.10.2022
Одобрена после рецензирования: 25.11.2022
Принята к публикации: 16.12.2022

The article was submitted: 17.10.2022
Approved after reviewing: 25.11.2022
Accepted for publication: 16.12.2022